

ОБРАЗЫ РОДИНЫ И ЧУЖБИНЫ В ПРОЗЕ ЛИТЕРАТОРОВ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

УДК 82

<https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-54-63>

Маргарита Олеговна БАРОНОВА,

аспирант 2 курса Московского государственного института культуры,
Москва, Россия, e-mail: maritaf1@mail.ru

Аннотация: В статье, посвященной теме культурной идентификации писателей русского зарубежья, выявлена проблематика творчества авторов «второй волны» эмиграции, связанная с отъездом из России в годы Великой Отечественной войны. Определено значение диалектичных образов Родины и Чужбины в творчестве писателей-эмигрантов, сделаны выводы о дуальной модели образа Родины. Статья базируется на первоисточниках, содержит анализ творчества писателей «второй волны» эмиграции, в том числе малоизвестных: Л. Ржевского, Б. Филиппова, Б. Ширяева, С. Максимова. В исследовании изучена проблематика взаимоотношений писателей-эмигрантов с Родиной, ценность автобиографических мотивов творчества, повлиявших на формирование мировоззрения и отношение к Родине. Сделаны выводы о типологических концептуальных особенностях и о духовно-культурной ценности творчества прозаиков «второй волны» эмиграции.

Ключевые слова: русское зарубежье, «вторая волна» эмиграции, национальная культура, литература русского зарубежья, образ Родины, духовно-культурная ценность, культурная идентификация.

Для цитирования: Баронова М.О. Образы родины и чужбины в прозе литераторов «второй волны» русской эмиграции // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №1 (44). С. 54–63. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-54-63>

IMAGES OF HOMELAND AND FOREIGN LAND IN THE PROSE OF THE WRITERS OF THE "SECOND WAVE" OF RUSSIAN EMIGRATION

Margarita O. Baronova, 2nd year postgraduate student
MGIK, Moscow, Russia, e-mail: maritaf1@mail.ru

Abstract: The article devoted to the topic of cultural identification of writers of the "Russian Abroad" reveals the problems of creativity of the authors of the "second wave" of emigration associated with the departure from Russia during the Great Patriotic War. The significance of dialectal images of the Motherland and a foreign land in the works of emigrant writers is determined, conclusions are drawn about the dual model of the image of the Motherland. The article is based on primary sources, contains an analysis of the work of writers of the "second wave" of emigration: L. Rzhevsky, B. Filippov, B. Shiryayev, S. Maksimov. The study examines the problems of the relationship of emigrant

writers with the Motherland, the value of autobiographical motives of creativity that influenced the formation of a worldview and attitude to the Motherland. Conclusions are drawn about the typological conceptual features and the spiritual and cultural value of the work of the prose writers of the "second wave" of emigration.

Keywords: The Russian Diaspora, the "second wave" of emigration, the national culture, literature of the Russian Diaspora, the image of the Motherland, spiritual and cultural value, cultural identification.

For citation: Baronova M. O. Images of Homeland and Foreign land in the prose of the writers of the "second wave" of Russian emigration. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 1 (44), pp. 54–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-54-63>

В литературе русского зарубежья выделяется несколько «волн» эмиграции. До недавнего времени при их классификации использовался хронологический принцип, исходя из которого принято выделять три волны русской эмиграции: первая (рубеж 1910–1920-х годов); вторая (1940-е годы); и третья (конец 1960-х – начало 1980-х годов).

Обращение к временным рамкам подчеркивает, что «вторая волна» эмиграции неразрывно связана с событиями Второй мировой войны. Людям, оказавшимся в это время за рубежом, тяжело было сделать свой духовно-нравственный выбор: вернуться на Родину, где отношение к ним было резко негативным, или попытаться избежать репатриации и оказаться в депортационных лагерях. Эта особенность позволила пересмотреть сложившееся деление писателей-эмигрантов по времени их отъезда с родины и предложить более точную формулировку: «писатели Ди-Пи и послевоенной эмиграции» [1]. По мнению В. Агеносова, литература «второй волны» русской эмиграции начиналась в лагерях перемещенных лиц Ди-Пи и ее составной частью становилось и творчество писателей первой послеоктябрьской эмиграции. [2]

Название Ди-Пи восходит к английскому «displaced persons» (перемещенные лица) – так называли людей, оказавшихся в лагерях для перемещенных лиц в Европе в послевоенное время. Тяжелая жизнь в них с физической и моральной точки зрения позволила Б. Ширяеву привести связанные с этим термином ассоциации: «птичка какая-то... не щегленок, и не чижики... Прыгает без толку, трясет хвостом и попискивает».

Предубеждение по отношению к представителям «второй волны» объясняет тот факт, что именно этот период русского зарубежья особенно мало изучен. Как отмечает М. Бабичева, этот пласт русской литературы до сих пор почти недоступен большинству читателей в России. Думается, что необходимость изучения и культурной идентификации творчества писателей русского зарубежья является значимой и актуальной, в связи с тем, что тема Родины становится одним из лейтмотивов их произведений и формирует творческую направленность в целом, независимо от того, сознательно или в силу обстоятельств данные авторы оказались за рубежом. «Я себя

идентифицирую с русской литературой в изгнании, к которой я принадлежу, надеюсь. Что ж делать, так случилось, мы оказались в таком положении. Но я глубоко верю, что это всё равно часть русской литературы, и, я думаю, что придет время, когда эти русла сольются. Но это не литература в эмиграции. Эмиграции как таковой литература не нужна, ей нужно устроить свою жизнь», – говорил писатель и поэт Иван Елагин [4].

Литература «второй волны», в отличие от остальной литературы русского зарубежья, ограничена авторами и количеством созданных ими книг. Однако тем не менее, по мнению М. Бабичевой, представляет специфический историко-культурный феномен, что в первую очередь касается художественной прозы, которая обладает рядом общих черт, позволяющих рассматривать литературу этого периода как единое целое.

Прежде всего следует отметить культурную ценность автобиографичности произведений представителей «второй волны». «Где и как встретил я своего героя?.. Ну, прежде всего, – в самом себе», – отмечал Б. Филиппов [14]. На эту особенность литературы «второй волны» эмиграции указывает М. Бабичева, приводя доклад австралийского ученого А. Кравцова: «...жизнь в предвоенном СССР, фронт, плен, сотрудничество с оккупантами, беженский лагерь, уклонение от реэмиграции, укоренение в другой стране» [3]. Трудные жизненные обстоятельства меняют людей. В связи с этим появляется проблема, которую Ю. Терапиано обозначил как «поиск человека 50-х годов». [18] Герой прозы «второй волны» – человек, который в силу разных причин живет в эмиграции, однако не способен исключить для себя духовно-культурную ценность Родины.

Прием ретроспекции, к которому прибегает большинство писателей, по-разному раскрывает характеры героев. Одни вспоминают о Родине с ностальгией. Это присуще героям произведений Леонида Денисовича Ржевского (Суражевского). Так, «Сентиментальная повесть», написанная в 1954 году, начинается с объяснения в любви Москве: «Москва! Когда, зажмурившись, произношу я это имя, я слышу московский воздух... И вижу ее – Москву того времени...» [9] Герой оптимистической повести «...показавшему нам свет» (1961 г.) Вятч, считая себя приговоренным к смерти, вспоминает Спасскую башню, «бред Василия Блаженного», Замоскворечье и колокольню Растрелли. Глядя на репродукцию Мадонны в немецком госпитале, он вспоминает о «нашем Эрмитаже». Эти воспоминания разделяют жизнь героев на «до» и «после» и не делают образ Родины идеальным: «...кто из нас, теперешних, принес в изгнание родину гармоническую?», «Свою родину я уже не мог изображать только черно-белым... я любил ее и «до», и «после», «после», пожалуй, и больше любил, потому что сам был частью этого «после» и не мог расщепить своего сознания по одному только временному признаку» [9].

Образы родины и чужбины в произведениях Л. Ржевского неразрывно связаны с категорией времени. В повести «Две строчки времени» (1976 г.)

герой, немолодой писатель-эмигрант, влюбленный в юную Ию, вспоминает Родину и свою первую любовь Юту, жизнь которой сложилась трагически. Родина – это «до», «тогда», «вчера», «бывшее», «прошлое». Чужбина – «здесь», «сегодня», «после». Будучи разделены «несбывшимся», они образуют звенья одной цепи. И не случайно, что произведение Саши Лишина из повести «Двое на камне» (1956 г.), начатое в Москве, а законченное в Австрии, состоит из «главок, которые у него назывались звеньями». Именно творчество становится своеобразным связующим звеном: «писания здесь» являются «призрачной тропкой туда: а вдруг дойдут и прочтут там» [9].

Культурная идентичность героев Ржевского коррелирует с чувствами самого писателя. По воспоминаниям Е. Дубровиной, которая встречалась с Ржевским в Филадельфии, он скучал по оставленной Родине и тяжело переживал разлуку с нею. Переживая «бесчеловечную отрезанность» от нее, он с грустью констатирует, что «проходить мимо, увы! И значит собственно жить...» [9]

Ценность образа Родины у Ржевского неразрывно связана с дорогой, но путь этот не бесконечен. Он приводит героя повести «Двое на камне» на Ваганьково, где всегда свежо, где наконец-то «душа обретает покой», что соотносится и с отношением поэта Игоря Чиннова. «Нет, какие могилы? (Галка, осень, дожди) На Ваганьковском, милый, не позволят, не жди», – с грустью размышлял он [16]. Однако, в отличие от Л. Ржевского, упокоенного в США, Чиннову удалось осуществить свою мечту, он был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Образ-топос дороги, неразрывно связанный с дефиницией Родины и Чужбины, приобретает иное звучание в творчестве Бориса Андреевича Филиппова (Филистинского). Путь его alter ego Андрея бесконечен. Он лежит от «расхлыстанности и толчеи» лагеря Ди-Пи «далеко-далеко, в непроходные леса... в непроходные леса сладостного песнесказа древнего»: «Иди же!.. Иди...» [14] Герой Филиппова – «бродяга-человек», страдальческий путь которого ведет к «последнему Кресту завершения...»

Если в творчестве Л. Ржевского (Суражевского) просматривается этно-географический подход образов родины и чужбины, согласно которому, как отмечает Т. Чикаева, «Родина – это место рождения человека, место, где родились и жили его предки», то в прозе Б. Филиппова – духовно-нравственный. В его основе лежит тезис о том, что «Родина как ценность сравнима ... со святыней религиозной». Любовь к ней не связана с какими-то определенными местами, вызывающими чувство ностальгии и уж тем более с социально-политическими условиями. «Вы и на чужбине могли, имели полную возможность оставаться русским. Ведь русский – только и значит: православный. А в Боге – вся, вся полнота бытия», – утверждает герой рассказа «Gott mit uns». [14]

Образы родины и чужбины в произведениях Б. Филиппова, как правило, лишены конкретных реалий, он осмысливает эти понятия в мировоззренческом контексте, обращаясь к образам-символам. Так, окружающий мир представляется Андрею Алексеевичу, герою рассказа «Счастье», воронкой, по краю которой ползут странные и страшные процессии. Андрей Алексеевич – один из тех, кто в годы войны примкнул к РОА (Русской освободительной армии), что сделал и сам Борис Филиппов, для которого любовь к Родине не была тождественной любви к большевистской России. Писатель подробно не останавливается на причинах, которые подтолкнули Андрея Алексеевича к этому поступку. Состояние героя раскрывает сон: он чувствует себя опустившимся на дно бездонного кратера, откуда из черных провалов неба на него смотрят злобные кошачьи глаза. Филиппов не описывает бытовых трудностей, с которыми сталкиваются герои, их борьбу за жизнь, однако образы-символы раскрывают в полной мере, как «не греет чужбинное солнце».

В произведении «Счастье» звучит мысль о том, что есть ценности неизмеримо выше, чем родина и нация. Такой позиции придерживается возлюбленная Андрея Алексеевича Мария. Сам же герой приходит к выводу о том, что Родина – в душе человека, в его любви к Богу. Только это может сделать счастливым даже побитого жизнью и нелегкими испытаниями странника: «Верую, Господи, помоги неверию моему! И огромное солнце радости заливает мою душу...» [14]

Именно вера помогает героям Филиппова с ностальгией вспоминать о России, которой больше нет, и примириться с Россией нынешней. Так, Настасья Васильевна, дочь одного из дворцовых арапов, героиня рассказа «Патриотка», спустя годы не может забыть Царское Село, Павловск, Неву, Петербург. Называя себя патриоткой, она подчеркивает свое неприятие коммунистов и в то же время замечает: «... может, и среди них встречаются люди неплохие: все-таки, русские ведь...» Эти слова практически дословно повторяются во многих произведениях представителей Русского Зарубежья. Например, они звучат уже в первой главе книги Бориса Николаевича Ширяева «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол».

Книга Ширяева является своеобразной летописью Ди-Пи. На примере своей семьи он показывает, на какие ухищрения приходилось идти тем, кто во что бы то ни стало пытался избежать депортации на Родину. Для Ширяева – человека, не принявшего революцию и участвовавшего в «белом» движении, прошедшего через ГУЛАГ и чудом избежавшего расстрела, Россия ассоциировалась с «поколением соловецких, колымских, печерских доходяг». Людей, подобных ему, он называет дикими «стрианиерами», предпочитающими, вопреки здравому смыслу, жизнь на чужом пустыре возвращению в свои, столь прекрасные на плакатах, дома.

Образ родины у Ширяева отличается дуальностью, проанализировать которую помогают теоретические положения Ф. Степуна. Так, философ

считал необходимым разводить такие понятия, как «родина» и «отечество»: «1) необходимо делать различие между отечеством и родиной, 2) измена своему отечеству ради спасения родины не только допустима, но, быть может, обязательна, 3) пребывание на чужбине без борьбы за родину, наоборот, недопустимо. Если на чужбине невозможно жить родиной, то лучше возвращаться домой, хотя бы лишь затем, чтобы умереть у себя». [11]

Размышляя о России, Б. Ширяев задается вопросом:

– Я русский?

– Черт меня знает! Может быть, что и так...

В моей душе идет сильная борьба... Эх, будь, что будет!

– Пишите – русский! [17]

И в то же время у Б. Ширяева в отношении к Родине отсутствует чувство ностальгии. Все воспоминания о прошлой жизни для него словно музейные экспонаты, которые «повествуют о прошлом, но никогда не возрождаются в настоящем». [17] Он иронично отзывается об эмигрантских поэтах, сидящих за рюмкой абсента в монпарнасских кафе.

Не приемля политику России 30–50-х гг., он готов бежать куда угодно: «Дальше Венесуэла. Не подошел по специальности. Сам дурак был еще тогда. Чили – ростом не вышел. Перу – лишние члены семьи оказались. Парагвай – чего-то в кармане не хватило, чтобы в группу попасть. Бразилия, Австралия, Нью-Зеланд разом отпали по возрасту. В Боливию – веса не хватило. В Канаду не попали... Теперь США». [17] В отличие от родины, именно чужбина дарит ему свободу, но так и не становится Родиной, потому что Россия неизбежно связана с образом Бога: «В туманных глубинах памяти всплывают неясные тени черных елей под усыпанным бледными звездами небом, в дебрях далекого северного острова; окно землянки последнего еще жившего в ней схимника Земли Русской, огонек такой же, совсем такой же лампы под таким же темным ликом Спаса». [17]

Б. Ширяев говорит о двух Россиях: «Вторую Россию, многоликую, многообразную и во всех своих преломлениях далекую от Первой – России мечты – я видел в Берлине, где мне приходилось не только соприкасаться, но и сливаться в общей работе с местной и стянутой туда войной эмиграцией, деловое лицо Второй России, несколько сухое и холодное, редко с улыбкою, с глазами, пылливо и внимательно рассматривавшими меня и спрашивавшими:

– А скажи, пожалуйста, что ты, собственно говоря, можешь делать?» [17]

Диалектичность образов родины и чужбины прослеживается и в мотиве дороги, присущем всей эмигрантской литературе: это мотив движения, который можно расценивать и как путь к обретению своего места в новых реалиях, и как бегство от самого себя. В творчестве Л. Ржевского (Суражевского) дорога ведет к «вечному покою», у Б. Филиппова она бесконечна. А у Б. Ширяева дорога представляет собой замкнутый круг»: «Логика же

в том, что земля кругла и, идя неуклонно на Запад, сквозь Запад, мы безусловно придем к Востоку. Нужно лишь идти, не задерживаясь в уютных долинах, не боясь крутых гор, не увязая в болотах... Идти вперед. Тогда придем. Неизбежно придем». [17]

Говоря о жизненном и литературном пути Б. Ширяева, можно сказать, что приведенная цитата оказалась пророческой: большинство произведений было опубликовано на Родине и, по словам М. Бабичевой, Ширяев «полностью интегрирован в отечественный поток». [3]

Иным оказался путь Сергея Сергеевича Максимова (Пасхина). Переживший ГУЛАГ и арест гестапо, оказавшийся в Германии и сумевший избежать насильственной репатриации, очень рано ушедший из жизни, Максимов мало известен на Родине. В жизни Максимов чувствовал себя «прохожим». В рассказе «Голубое молчание», посвященном брату Николаю Витову, этот образ становится лейтмотивом рассказа. Прохожий бредет по дороге «без конца и без края» в полной тишине, олицетворяющей «единственную, вечную свободу». [7]

В «Голубом молчании» звучит тот же мотив, что и в повести А. Платонова «Котлован», – смерть девочки. Ребенок, мечтающий о синих звездочках, уходит во сне. А прохожий помогает матери девочки «сколотить гробик». Рассказ Максимова раскрывает чувство безнадежности и одиночества, которое испытывает главный герой, потому что только смерть способна изменить жизнь и обрести свободу.

Следует отметить, что С. Максимов даже в произведениях, написанных в эмиграции, не затрагивает напрямую тему родины и чужбины и не противопоставляет их. Думается, это связано с тем, что Россия для него стала Чужбиной, а зарубежье так и не стало Родиной. Трагизм ситуаций, в которых оказываются герои его произведений, несомненно, связан с жизненными обстоятельствами самого автора. Как писал его брат: «Трагическая проблема, стоящая сейчас перед тысячами русских людей, которые, подобно мне, дали себе слово ни под каким условием не возвращаться в СССР, практически в настоящую минуту формулируется так: как далеко зашел противоестественный союз англо-американцев с коммунистами и пойдут ли первые на безоговорочную выдачу нас своим восточным союзникам против нашего желания?» [6]

В рассказах Максимова часто встречаются сказочные образы-символы: это и лес, которому «конца-края нет» в рассказе «Темный лес»; и кипящий котел в рассказе «Издательство», и черная вода в повести «Сумерки». Антитезой им выступает образ Волги-матери. Вероятно, это связано с тем, что Максимов родился на Волге, его дед был бурлаком, многие родственники служили лоцманами и капитанами на волжских пароходах.

Образ Волги олицетворяет у Максимова образ России. Самый известный роман С. Максимова «Денис Бушуев» (первоначальное название – «О чем

шумит Волга») начинается с описания этой реки: «За садом, круто спускавшимся к берегу, катилась Волга. Окрашенная мягким красновато-желтым закатом, она была тиха и спокойна...» [8] Образ Волги-матери играет важную роль и в произведениях, близких к устному народному творчеству, например, в поэме «Танюша». Хотя в произведениях С. Максимова прямо не звучат мотивы ностальгии по утраченной Родине, образ родного края незримо присутствует в них, на что указывал Борис Зайцев, отмечая, что в произведениях писателя «...много яркости, жизненности, любви к краю своему, Волге, людям...» [5]

Таким образом, на основе анализа ценностных оснований творчества писателей Л. Ржевского (Суражевского), Б. Филиппова, Б. Ширяева, С. Максимова можно выделить следующие типологические и концептуальные особенности прозы «второй волны» эмиграции:

- писатели, имена которых до сих пор являются малоизвестными, в силу разных жизненных обстоятельств оказались в эмиграции по причине Второй Мировой войны;
- писатели сменили не только страну проживания, разорвав связь с Россией, но и имя (большинство писателей взяли псевдонимы) – ими двигало чувство страха возвращения на Родину;
- в основе всех произведений «второй волны» лежали определенные исторические события (революция, Гражданская война, политические репрессии, плен), позволяющие понять, что заставило авторов покинуть страну и оказаться за рубежом;
- в произведениях «второй волны» эмиграции выявляется тенденция оправдания действий Российской освободительной армии (РОА) как субъекта, находящегося в оппозиции политическим репрессиям и утверждающего ценность свободы;
- важным мотивом произведений писателей «второй волны» становится осмысление того, как изменилось положение авторов в лагерях Ди-Пи;
- в произведениях «сюжетным центром... становится судьба главного героя. В основном это вымышленный персонаж, прототипом которого, однако, является автор» [3];
- прозу «второй волны» объединяют образы родины и чужбины, ностальгические мотивы, связанные с образом России;
- изображение родины в произведениях прозаиков «второй волны» отличается дуальностью и диалектичностью: любовь к России (месту рождения, красоте природы, близким людям) и абсолютное неприятие России как тоталитарного государства, якобы близкого по духу фашистской Германии, в силу чего Чужбина становится спасением и способом творческой реализации.

Несмотря на общность жизненных реалий, отразившихся в тематике и проблематике произведений, следует отметить, что образы родины и чужбины,

превалирующие в прозе «второй волны», отличаются и индивидуальными особенностями. Так, при толковании терминов «родина» и «чужбина» используются как этногеографический подход (Л. Ржевский, Б. Ширяев), так и витальный, духовно-нравственный (Б. Филиппов). Данные понятия могут быть раскрыты как через конкретные образы (Л. Ржевский, Б. Ширяев), так и через абстрактные, философские образы-символы (Б. Филиппов). Образы Родины и Чужбины помогают раскрыть категории времени (Л. Ржевский) и пространства (Б. Филиппов). Особняком стоит творчество С. Максимова, в котором отношение к Родине помогают передать флореальные мотивы, в то время как ностальгические мотивы, присущие прозе «второй волны», отсутствуют.

Анализируя образы родины и чужбины в прозе «второй волны» русского зарубежья, отмечая типологические и концептуальные черты этого социально-исторического феномена, следует отметить, что для культурной идентификации и определения роли творчества данных писателей в культуре русского зарубежья является целесообразным обратиться к творчеству и других представителей этого периода.

Список литературы

1. Агеносов В. В. История литературы Русского Зарубежья. Вторая и Третья волны. Москва: Юрайт, 2021. 176 с.
2. Агеносов В. В. Литература Ди-Пи. Истоки формирования второй волны эмиграции. Москва: Литературоведение, 1996. 218 с.
3. Бабичева М. Е. На чужбине писали о Родине. Москва: Пашков Дом, 2020. 590 с.
4. Глэд Д. Беседы в изгнании. Москва: Книжная палата, 1991. 318 с.
5. Зайцев Б. К. Собрание сочинений в 10 тт., т. 10. Москва: Русская книга, 2001. 388 с.
6. Любимов А. А. Между жизнью и смертью // Новый Журнал. 2009. № 254 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/254/mezhdu-zhiznyu-i-smertyu.html>.
7. Максимов С. В. Голубое молчание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 232 с.
8. Максимов С. В. Денис Бушуев. Лимбург: Посев, 1950. 356 с.
9. Ржевский Л. Д. Двое на камне. Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей, 1960. 133 с.
10. Русская мысль. Париж: архив. 1996. № 4128.
11. Степун Ф. А. Родина, отечество и чужбина. Мы – в России и Зарубежье [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pvr.ru/files/We-3.pdf>.
12. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж – Москва: Русский путь, 1996. 446 с.
13. Федина А. А. Третья волна: творчество советских писателей в эмиграции // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 456–460.

14. Филиппов Б. А. Избранное. Лондон: Overseas Publication Interchange Ltd, 1984. 404 с.
15. Чикаева Т. А. Анализ подходов к дефиниции понятия «Родина» // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 2. С. 40–48.
16. Чиннов И. В. Собрание сочинений в 2-х тт., т. 1. Москва: Согласие, 2002. 576 с.
17. Ширяев Б. Н. Ди-Пи в Италии. Записка продавца кукол. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1952. 269 с.
18. «Если чудо вообще возможно за границей...»: Письма Ю. Терапиано к В. Маркову. // эпоха 1950-х годов в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. Коростелёва О. А. Москва: Русское зарубежье. Русский путь, 2008. 816 с.